

2.Лейман Иван Петрович 30 сентября 1875 г. – 1 ноября 1880 г.

Лейман Иван Петрович был директором училища с 30 сентября 1875 года по 1880 год, закончил физико-математический факультет главного педагогического института, преподавал математику.

Глава из книги РЕАЛИСТЫ

Автор Николай Сергеевич Жужин использовал воспоминания Павла Сергеевича Сигова одного из первых выпускников реального училища.

Вот как Павел Сергеевич описывает свои годы учебы в училище.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР

Приблизительно через месяц после смерти Колесникова в училище приехал новый директор **Иван Петрович Лейман**, а вслед за ним целый ряд учителей: Роснянский, Финевский, Флюгель, Боголепов, Петров.

Лейман был противоположностью Колесникову. Был небольшого роста, суховатый, с большой стриженной седоватой головой. Одна нога у него была короче другой, тем не менее он ходил без палки. Ходил, как бы балансируя, далеко закидывая длинную ногу, при этом приседая на короткую. Человек он был по натуре добродушный, но любил нагонять на учеников страх и трепет своим громовым голосом, выходявшим, как из трубы, и сопровождаемым грозным откашливанием. Лейман имел привычку почти всегда опаздывать на уроки. Форменный фрак его всегда висел в учительской комнате; приезжая в училище, он надевал его и откашливаясь таким густым и громким басом, что его было слышно по всему зданию, отправлялся в свой класс.

Лейман охотно пошел навстречу желанию Земства открыть сразу три класса и назначил приемные испытания. Явились прежние экзаменуемые и все были приняты, в том числе и мои братья (*все 3 брата Сиговы Алексей, Иван и Павел учились в реальном училище*).

И тогда отцу пришлось туго. Новый директор прежде всего потребовал, чтобы все ученики немедленно обзавелись форменною одеждою.

Одежда состояла:

1) Из мундиров темно-зеленого сукна с золотым галуном на воротнике и 9-ю пуговицами впереди, 4-я сзади и 4-я на рукавах (по две на каждом обшлаге) — пуговицы были золоченые, гладкие и довольно дорогие.

2) Форменными жилетами с 5-ю мелкими золоченными

пуговицами.

3) Брюками из того же темно-зеленого сукна.

4) Форменными кепками с желтым кантом и ремешком с двумя золоченными пуговицами над козырьком (а для зимы форменными папахами). На верху кепки и папахи прикалывался золотой герб с инициалами «К. Р.У.» (что означало «Красноуфимское реальное училище»).

5) Кроме того, каждый ученик должен был обзавестись форменной шинелью из того же темно-зеленого сукна с золотыми пуговицами и кантами, а для зимы — форменными шубами.

6) Также черными суконными галстуками.

7) Ранцами для ношения на спине (установленного образца).

8) Резиновыми галошами.

9) Учебниками.

Вот такая ситуация. Красивая, привлекательная, но в то же время она дисциплинировала и объединяла нас в одно братство. Ученики выделялись на фоне других, тех кто учился в приходском и других школах. Форма не только выделяла, но и обязывала. Она поднимала нас над другими, не с целью зазнайства, а тем, что за нами было государство, это оно нам разрешило носить форменную одежду, мы стали людьми государственными. Полученные специальности нужны были государству. Отсюда и выводы. В городе у нас были друзья, и враги. Одному вечером появляться где-нибудь на окраине городка, да еще в форме — не стоило. Побьют. Но и мы не лыком шиты, объединялись и шли туда искать справедливость. Только справедливость наша была в кулаке. Дрались и довольно жестоко. На занятиях после этого можно было увидеть такие фингалы, что и освещения не требовалось. После каждой очередной драки в училище наступала тишина, никто не бегал, не орал, все были прилежны. Это говорило о том, что надзиратели ищут виновных, чтобы наказать — «в назидание потомкам», а с другой стороны наказать, чтобы отвязаться от жалоб сыпавшихся от родителей побитых (ущербных — как мы их называли).

Помню, сидим мы как-то в классе перед первым уроком в ожидании директора, преподававшего у нас арифметику. Вдруг входят в класс два брата Шубины (Макс и Иван) в новых мундирах. И все покатались со смеху. Дело в том, что отец Шубиных, местный почтмейстер имел семью в 12 человек, среди них 9 детей. Очевидно, он не мог обмундировать своих сыновей по установленному образцу и сшил им мундиры не из зеленого сукна, а из своих старых черных сюртуков, при чем, вместо 9 пуговиц впереди, из экономии поставил только 4, и негладкие золотые, а старые с орлами, почтового ведомства.

Как раз в этот момент всеобщего хохота входит директор и узнав в чем дело, кричит своим громовым голосом: «Над чем смеетесь? Над беднотой смеетесь! Стыдно! Где отцу-то взять?» - и обращаясь к братьям Шубиным, произнес: «Ничего! Ходите в этих сюртуках».

Замечательно, что с этих пор никто уже не смеялся над чиновничьими мундирами Шубиных и они ходили в них. Я был особенно рад, Макея был мой приятель.

Вот такой директор, несмотря на свой гражданский генеральский мундир и чиновничий дисциплинарный формуляр в нем уживалось и хорошее и не очень. Имел и свои слабости.

Иван Петрович Лейман был большим поклонником драматического искусства, то бишь, театра. В своей квартире устроил сцену и создал театральный кружок. В него входили: сын и две дочери доктора Червинского, две дочери полковника Гранд, горный инженер Александр Петрович Кавадеров, специально приезжающий на репетиции из Суксунского завода, где служил управляющим, секретарь съезда мировых судей Свиридов, письмоводитель воинского начальника Тихонов и другие. И сам директор выступал на сцене, например, в роли «Яичницы» в «Женитьбе» Гоголя. Эта роль была ему не по фигуре, но он брал голосом. Лейман и умер, подымая занавес (внезапно).

Каждую субботу по вечерам в квартире директора происходили генеральные репетиции в костюмах и гриме. Для нас это были настоящие спектакли — на них разрешалось приходить реалистам. По воскресеньям — давались спектакли для почетных граждан города.

Такие наказания, как вставание на колени или оставление без обеда, считались у нас пустяками, а вот лишение права пойти на генеральную репетицию рассматривалось нами и директором, как высшая мера наказания.

Хотя директор и оставлял нас довольно часто без обеда, но фактически это почти никогда не выполнялось. Снимая свой форменный костюм перед уходом домой, Иван Петрович обыкновенно говорил, подобострастно стоявшему перед ним Ивану Дмитриевичу Разумкову: «Я тут оставил кое-кого без обеда, так Вы уж их отпустите Иван Демидович».

Однажды директор поставил мне за плохой ответ «единицу» в мой ученический дневник. Дневники, к каждому понедельнику, должны были подписывать родители. Ну, чем обходится «единица» или «двойка», полученные за неподготовленные уроки, надеюсь, все знают. И вы, уважаемые, все и дневники прятали, и страницы выдирали, правда, мы в то время еще не додумывались иметь второй экземпляр дневника, как это делают сейчас. Вот поэтому и я, сгорая от стыда за полученную «единицу», отцу дневник не

показал и подписывать не дал.

И как назло в понедельник, ну невезуха, директор снова вызывает меня к доске. Я отвечаю плохо.

Он мне:

- Подай дневник!

Ну, думаю, погиб. Вынимаю из ранца, подаю и стою: ни жив, ни мертв.

Лейман просматривает и, не видя подписи моего отца, посмотрел на меня и своим громовым голосом:

- Это что значит? Говори!

Я уже дрожу, но вдруг меня осеняет и бормочу чуть слышно:

- Отец постует.

- Что?

- Отец постует. (Был Великий пост и отец мой в это время, действительно, говел).

Директор задумался, потом понял и сказал:

- Нужно говорить не «постует», а «постничает». Так, получается, что твой отец постничает и тебе не хочется его огорчать. Так что ли?

- Так, - отвечаю чуть слышно.

Директор похлопал по дневнику рукой, посмотрел на меня и исправляет «единицу» на «тройку» и, возвращая мне дневник, сердито говорит:

- Пошел на место.

Хватаю дневник и лечу за свою парту. Мое счастье выплескивалось наружу (это Макея так сказал).

Рассказывать об Иване Петровиче можно много и по - разному. Неадекватность его решений изумляла.

Как-то в ожидании урока директора я подрался с одноклассником, который исцарапал мне все лицо. Вдруг входит Лейман и сразу же меня к доске. Подхожу к кафедре красный, весь в царапинах. Директор посмотрел на меня, отвернулся, потом снова посмотрел, уже изумленно и спрашивает:

- Что такое? Что с тобой?

Я начинаю краснеть еще больше, теперь уже от страха.

- Ну? — повторяет Лейман.

Снова молчу, но отвечать-то что-то надо и дрожащим голосом шепчу:

- У меня крапивная лихорадка (лицо покрывается красными пятнами).

Директор смотрит на меня изумленно, а в глазах — смех.

- Что? Крапивная лихорадка? Так зачем же ты пришел? Сейчас же иди домой и ложись в постель! — и сам отвернулся (видимо боялся рассмеяться).

Была у Леймана и слабинка. Любил выпить. В «адмиральский» час их сходилась трое, у кого-либо, за завтраком и выпивкой: директор, акцизный

надзиратель Владимирский и начальник из воинского присутствия Гранд.

Четвертый урок в нашем классе всегда был директора. Расписание этих завтраков мы тоже знали — они были один раз в неделю, в четверг.

В этот день мы в напряженном ожидании, если это весна или осень, то один из учеников на подоконнике у открытого окна. Наш «зоркий глаз» следит — не покажется ли директорская брочка, если зимой, то беспрестанно бегаёт на крыльцо и ведёт наблюдение оттуда.

Ждем-с, в классе невообразимый шум, директора-то нет.

Наконец, наши «глазоньки» кричат: «Едет, едет!». Но это еще не все, он должен определить — какой он едет. Слышим: «Готов» (то есть голова покачивается). Для нас радость, надеюсь, понимаете.

Директора проводят в учительскую и надевают на него фрак. В это время — ура, трещит звонок — четвертый урок окончен.

Пятый урок — пение. Ученики из всех классов, обладающие музыкальным слухом, сходятся в рисовальном классе, находящемся как раз против директорского кабинета.

Тем временем директор, почтительно поддерживаемый надзирателем Разумковым, выходит из учительской и направляется в свой кабинет; здесь он погружается в кресло и велит отворить настежь двери. Между тем учитель пения спешно рассаживает учеников по голосам, задает тон по камертону и начинается пение любимых директорских песен:

*«Спится мне, младешеньке, дремлется, Клонит мою
головушку на подушечку...».*

*«Вот денница скрылась, Плещется струя,
На небе явилась, Звездочка моя...».*

*«У зари, у зореньки много ясных звезд,
А у темной ноченьки и их счету нет...».*

*«Ясно солнышко закатилося
Светла месяца не видать нигде,
Часты звездочки в тучке спрятались
И темным-темна ночь осенняя...».*

Одного ученика учитель пения ставит на дежурство в дверях — следить, когда начнет засыпать директор и подавать об этом знаки. По мере того, как веки директора сжимаются все крепче и крепче, пение становится все тише и тише, а учитель шепчет: «Пиано, пиано!».

Дежурный подает знак и пение замирает, сменяясь несущимся из кабинета богатырским храпом директора. Ученики один по одному, неслышно выходят из класса.

Нашего мнения по этому вопросу никто не спрашивал. Вопросы не задавали. А пьянство в Красноуфимске, да и не только в нем, было мерой жизни. На вопрос: «Все ли пьют?» было легче ответить, кто не пьет.

Далее идет глава об остальных преподавателях

С большой охотой рассказал о преподавателях, которые были с начала действия нашего Реального училища. Хорошо или плохо, но все они стояли у истоков деятельности учебного заведения. Все они внесли свой неповторимый вклад в дело обучения, имея свои подходы, свой характер, свои привычки. Кто старался, а кто по необходимости исполнял свои обязанности. Но каждый из них создавал тот колорит и своеобразный штрих, которые стали выделять Красноуфимское реальное из учебных заведений России.

Уездное Земство было очень гордо своим детищем. Гордость земцев очень помогала училищу, особенно в строительстве нового учебного корпуса. По проекту Гринвальда (*Пермский архитектор*) затратить на строительство нужно было 77.900 рублей. По тем временам огромные деньги. Особенно для заштатного уездного городка, каким был Красноуфимск. Но выделиться надо, да и престиж, где еще такое здание есть. И Земская Управа идет на все, чтобы добиться воплощения своей мечты и добивается. Хотелось бы еще раз выделить роль Ивана Ивановича Скачкова и рядом с ним его единомышленников. И здание начинает строиться. К 1879 году была почти закончена кладка стен.

Педагогический Совет Реального училища все равно недоволен этим и принятием своих решений и ходатайств старается постоянно подталкивать строительство. Недовольство было вызвано еще и тем, что дом в котором размещалось училище, стал тесен. Количество учеников увеличилось до 100 человек, катастрофически стало не хватать классов.

И.П. Лейман докладывает Уездной Управе:

«Вследствие увеличения количества учеников до 100 человек, пришлось V класс перенести в физический кабинет, а сам физический кабинет в подвальный этаж нового строящегося для училища здания. Очень тесно»¹.

«Вскоре VI класс был размещен в отстроенной квартире директора Леймана, а минералогическую коллекцию также переносят в подвал нового здания»².

Как видите, учились и строились. Учитывая такие жесткие условия существования, учебы и строительства и беря все это во внимание в 1879

¹ Журналы заседаний Красноуфимского Уездного Земского Собрания, т. X, 1879 г.

² ЖЗКУС, т. X, 1879 г.

году Управа объявляет благодарность за работу учителям Боголепову, Финевскому, Петрову и законоучителю отцу Якову Братчикову — «за их неутомимое усердие в преподавании наук и искусств и полезные труды вообще по воспитанию юношей Красноуфимского реального училища»³.

Ну, а как быть с директором, квартира которого была занята классами и кабинетами. Управа нанимает И.П. Лейману квартиру в частном доме мещанина Козьминых за 400 рублей в год, а затем из-за неудобств в этом доме снимает ему новую квартиру в доме купца Бедлинского.

Что еще интересного придумала Управа? Интересное в том, что она спланировала строительство. Дальше было решено:

В 1880 году — окончить кладку стен, устройство стропил, покрытие железом крыши и ее окраску, постилку черных полов и потолков, заготовка деревянных материалов для работ 1881 года. На это было решено выделить 6.400 рублей.

На 1881 год — окончить все остальные работы: штукатурные, столярные, плотничные, малярные и стекольные. Израсходовать на это 4.600 рублей. Таким образом, на достройку начатой части здания в 2 года — на расходы 11.000 рублей.

Да! Да! В таких условиях жили и учились. Большой темп стройке с самого начала задали два человека И.И. Скачков и директор И.П. Лейман, при поддержке всех красноуфимцев, которые, как на чудо, смотрели на возводимое здание. Да это и действительно было чудо.

И.П. Лейман умер в январе 1880 года.

³ ЖЗКУС, т. X, 1879 г.